

ЛЮБИТЬ ЧЕЛОВЕКА

Представляя читателю писателя и его новый сборник автор предисловия по традиции пишет, что книга вобрала в себя лучшие произведения и являет собой этап в творческой биографии художника. Эта расхожая мысль пущена в обращение давно, ее эксплуатировали уже много раз, а в силу того, что она примелькалась, то не только не вызывает ни у кого возражения, но и вообще остается вне читательского сознания. В предисловии к данному сборнику Эльчина вариации на такую банальную тему оказались бы вовсе несостоятельными, ущербными по своей сути. Вряд ли кто-либо из почитателей таланта Эльчина, и я среди них, взял бы на себя смелость сказать: вот эта повесть лучше той, а рассказ такой посодержательней и интересней всех других.

Понимаю составителей, когда они остановили свой выбор на романе «Махмуд и Мариам» это большое историческое полотно, в нем с исчерпывающей полнотой выражено философское кредо писателя, его поиски нравственного абсолюта. Но, думаю, им совсем нелегко было поступиться, скажем, «Первой любовью Балададаша» и маленьким шедевром «В снегу», ведь история с Керим-киши и другими обитателями бакинского дома способна потрясти и людей закаленных, умеющих держать свои нервы в узде. Украсили сборник - «Серебристый фургон», «Смоковница», «Кумган», «Чудеса в почтовом отделении», все эти повести нашли путь к сердцу читателя, «Серебристый фургон» и «Кумган» даже экранизированы, а по «Чудесам в почтовом отделении» осуществлены спектакли в театрах, но украшением книги могли бы стать и удивительно добрый и мудрый рассказ «Ходят по земле поезда», и «Мотоцикл за пять копеек», и «Красный медвежонок», впрочем, таким образом, я с полным правом мог бы назвать все другие произведения писателя. И тут есть своя внутренняя связь, своя диалектика. Значительность Эльчина, как художника, обращающегося к людям, проявляется и в особой придирчивости к себе, своему слову; на читательский суд он выносит произведения, где мысль и форма стремятся к гармонии; в них нет того, что должно было быть списано на счет литературы, литературного шлака, где движение мысли, как и развитие сюжета, были бы подменены риторикой, кудрявостью формы; не представляю себе, чтобы собратья по перу, критики самое же главное, читатели смогли упрекнуть Эльчина в незрелой мысли, в неряшливости стиля, в спешке. Нет, как писатель, он полон чувства собственного достоинства, как гражданин - уважения к собеседнику своему, к читателю.

В прекрасном послесловии к сборнику «Смоковница», вышедшему в Москве в 1981 году, известный советский критик Лев Аннинский особенно подчеркнул, что сердце Эльчина переполнено любовью к людям. Любовью к Человеку, верой в него, преклонением перед его мудростью и добротой, благородством помыслов пронизаны все его рассказы, повести, публицистика. Это великое счастье писателя - и литературы тоже! - понимать тайные движения человеческой души, находить им объяснение. Мне хотелось бы добавить, что все творчество Эльчина служит выражением и сыновней любви к родному краю. К тихим, задумчивым садам Апшерона, к ласковому морю, к сказочной Шуше, к затерявшемуся на большой магистрали полустанку, где живет маленький Абили, постигающий этот запутанный, переменчивый и непонятный ему мир перевертышей. И конечно же к Баку с его размахом шагов саженьных и устремленностью в будущее, и в то же время поэзией старых улочек с их патриархальным укладом жизни, мудрой неторопливостью аксакалов. Эти то произведения как бы создают одухотворенный образ Азербайджана, его народа. Созданы они на большом дыхании, все то, что рассказано, пережито самим художником. Это все видел он сам, наверное потому-то, когда читаешь Эльчина, не возникает неловкого чувства, что ты уже все это знаешь, что Дуду и Мирзоппа тебе знакомы по другим книгам, и Мамедагу ты тоже знаешь, и Балададаша. Нет, все это первично, все настоящее, и воспринимается, как художественное открытие.

Мне приходилось однажды писать, что живи я не в Баку, а, скажем в Таллине или Омске, или еще в каком-либо другом городе, «Серебристый фургон» вызвал бы у меня непреодолимое желание поспешить сюда, на берега Хазара, чтобы предстала передо мной в своей первозданной красоте фантастическая природа щедрого южного края, чтобы произошла встреча с Мамедагой и милиционером Сафаром, с Месмеханум, и тогда раскрылись бы во всем своем нравственном совершенстве передо мной люди с чистой совестью. Да найдется ли в мире человек, у кого повернулся язык обвинить их в том, что поживились за счет других, обидели невинного, покривили душой. Для них конкретны, наполнены смыслом такие понятия, как честь, как верность в любви и дружбе, святость домашнего очага, уважение к старшему. Все это люди рабочие, работой кормятся, а на чужое не зарятся. Я снова подчеркиваю: они не плод писательской мечты, они взяты из жизни, находятся рядом с нами, и тут нет никакого авторского произвола, никакого смещения акцентов и перспективы, и каждый из нас, бакинцев, да только ли бакинцев, хорошо знает Агабаджи, и разделит ее радости и печали, и неутомимого труженика Агабабу знает, и чистых душой детей их, и поймет мотивы, которые движут их поступками, и поспешит подать им руку за то, что честью не поступились, на сделку с совестью не пошли.

Впрочем, тут в первую голову надо подать руку самому Эльчину. Недостатка в читателях у него нет, (особенно он популярен в Азербайджане), и в единомышленниках тоже, его произведения и в студенческой среде, и среди людей среднего, пожилого возраста становятся предметом страстных литературных дискуссий, читательских конференций. Наверное потому, что Эльчин всегда обращается к нашей совести, его душу бередишь, и это ощущаешь чуть ли не физически, что хорошим, добрым людям живется совсем-совсем несладко.

Человеческая натура вообще несовершенна, и зависть, равно, как стяжательство, равнодушие, злобность, словно сорная трава, стараются задушить доброту и порядочность, и это часто происходит в наше время не только и не столько в силу объективных причин, сколько субъективных. Из-за того, что редко пускаем, фигурально выражаясь, в ход кулаки, из-за совсем не красящего нас долготерпения. И от этого становится иной сама тональность произведений Эльчина: в жизнерадостность, оптимистическое видение жизни вторгаются тревожные ноты, и краски становятся глуше, и фантастика, когда по городу бродит красный медвежонок, сменяется жестокой прозой будней. И эта тревога передается нам и зовет нас, нет, скорей, требует, чтоб вошло в нашу натуру неприятие зла, определили и мы, вслед за писателем, свою гражданскую позицию, и отринули от себя этот антимир.

Писатель показывает нам пример, его девиз - патронов, сиречь сатирических стрел, не жалеть. Тут аргументы неотразимы. Они тем более убедительны, что находят художественное, образное выражение. Через судьбы людей, их переживания. Пусть не покажется тебе, читатель, отступлением от этой линии, чуть ли не компромиссом то, что порой испытывает Эльчин к этим своим негероям и жалость, и участие - люди же они! - и сохранились в душе у них и остатки веры, и крохи сострадания, и зыбкая вера в то, что все еще образуется, но надежда на эту соломинку спасения призрачна, за всю неправду надо жизнью платить, и Зубейда, писатель не ставит это под сомнение, своим одиночеством расплачивается по крупному счету.

В этом смысле повесть «Кумган» убедительней всего свидетельствует в пользу того, что Эльчин всегда остается верен своей жизненной позиции и не отступит от нее ни при каких условиях. Тут конфликт доведен до крайней точки, а авторская тенденция предстает перед нами в обнаженном виде. Вспомните, в народных сказаниях, в легендах человек воздвиг собаке памятник за ее верность, вечную готовность пожертвовать собой, а в повести Эльчина Кумган, дворовой пес, первым оказался подверженным тлетворному духу сытости, не смог противостоять запахам сладкой жизни и изменил своему хозяину.

Сигнал опасности? Предупреждение? Да, наверное. С людьми такое не в диковинку.
И

если уж собака...

Все это произведения о наших с вами современниках. Они сильны нравственным своим зарядом, и читатель не может не услышать этого страстного писательского призыва к человеку, чтобы он оставался человеком и жил по высшим законам совести. Не может ли быть воспринят роман «Махмуд и Мариам», где события отдалены от нас не годами, и даже десятилетиями, а многими веками как своеобразную попытку уйти от своей темы, как признание тщеты своих усилий, надежд? Совершенно убежден, что думать так нет никаких оснований. Писательские пути неисповедимы, и история литературы дает нам немало примеров, когда писатель в исторических коллизиях находил повод самовыражения. «Махмуд и Мариам» в том не исключение. Мне трудно судить о степени историзма произведения, об этом, надо полагать, выскажут суждение ученые, но за атрибутами седой старины, за дворцовыми интригами, сражениями, нельзя не увидеть проекцию в день нынешний.

Катастрофой двух молодых, христианской девушки Мариам, дочери священника, и сына правителя Махмуда, мусульманина - обернулась их любовь. Там; где на пути человека становятся религиозный фанатизм и национальные предрассудки, где ценность его определяется не умом, благородством и красотой, а богатством, социальным положением, там все обернется трагедией для Любви, для влюбленных, для Человека.

Так обращение к истории оказалось органичным, тем более что большое художественное полотно, каким является новый роман, представляет собой острое и динамическое действие с фигурами живыми, активными, в нем Эльчин, как ни в каком другом своем произведении, проявил себя искусным рассказчиком, и читается все это с большим интересом.

Эльчин признан как писатель со своим местом в нашей литературе, своим голосом, своей темой. Непохожий на других - и особыми взаимоотношениями с читателями. Счастье для писателя, что люди ему внимают и ждут с ним общения. Потому-то писателю всю жизнь и приходится ходить в должниках. Знать, что ты в долгу у людей, что нуждаются они в тебе и твоём слове - это ведь счастье для художника.

Марк Пейзель

*Эфендиев Эльчин Ильяс оглы
Махмуд и Мариам. Б.; Гянджлик, 1985, стр 3-5*